

ного на симметричном сотрудничестве, т.е. суверенного равенства, т.к. стороны должны получать равную выгоду; вклад стран быть по возможности равным, зависимость сторон в сотрудничестве должна определяться равной степенью и принимать равное участие в разработке решений о сотрудничестве и обмене.

Иными словами толерантность в современном мире следует рассматривать не как способ терпимости слабой страны от действия более сильной страны, а как уважения во взаимодействии и равенства в обмене и сотрудничестве в условиях глобализации мировых процессов от которых зависит выживаемость человечества и сохранение жизни на Земле в будущем.

В условиях развития толерантности в мирном сосуществовании стран с различными укладами не менее важным становится самоидентификация. Самоидентификация представляет выражение тождественности в системе отношений человек – общество – природа. Поиск самоидентификации в системе общественных отношений следует рассматривать не как подражание каким-либо действиям другой стороны (страны, человека общности), а как выравнивание отношений на принципах симбиоза, т.е. создания коллективных органов управления, способствующих развитию идентичных подходов, тождественных способов в развитии современной цивилизации, ибо самоидентификация страны, народа личности будет способствовать развитию культуры отношения в политике, экономике, культуре и др. сферах деятельности путем поиска тождественных подходов к однородному – типу отношений. Как правило причиной конфликтов являются разные подходы к одному и тому же типу отношений в зависимости от уровня компетентности, профессионализма этичности и т.д.

Таким образом, толерантность в современной цивилизации должна стать мостом дружбы и взаимопонимания между странами, народами и людьми в процессе сотрудничества обмена товарами, капиталом, идеями на принципах равенства и социального партнерства основанного на взаимной выгоде, доверии и партнерстве.

Самоидентификация в условиях современной цивилизации служит способом поиска тождественных, идентичных подходов в разрешении системы отношений человек - общество на принципах самосознания и проявления взаимных интересов в достижении одинаковых целей и предотвращении конфликтов путем поиска альтернативных решений.

Источники и литература

1. Малая Советская энциклопедия. – Т. 2. Третье издание. Государственное научное издательство Большая советская энциклопедия. – М., 1958. – С. 544–546.
2. Новый иллюстрированный словарь иностранных слов с приложениями под ред. В. Бугромова. – М: Дескон, 1998. – 304 с: ил.

Туркина И.Е.

ДЕМОКРАТИЯ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Со времен известного французского историка, политического деятеля и социолога Алексиса де Токвиля неоднократно высказывалась мысль о том, что развитие государственных форм неизбежно и закономерно приведет человеческое общество к демократии. Позднее, утверждению этой мысли в общественном сознании содействовали ряд влиятельных политологов. Мнения многих из них представлялись тем более значительными, что они отнюдь не вытекали из факта пламенного преклонения перед демократической идеей. Демократия представлялась им естественным и неизбежным состоянием, которое немедленно наступит вне зависимости от содействия или противодействия отдельных индивидуумов или групп людей.

Однако в попытках подвести под общий знаменатель пестрое разнообразие позиций относительно места демократии в системе общечеловеческих ценностей, невольно на ум приходит «крамольная» мысль, что как раз старое предсказание Токвиля таковым знаменателем быть никак не может. С тех пор, как в большинстве стран демократия (хотя бы даже «относительная» демократия) стала практической действительностью, в тоже время она сделалась предметом ожесточенной критики. И если прежде самым характерным обобщением политической науки была мысль о грядущем торжестве демократии, сейчас таким обобщением многие считают утверждение о том, как это не парадоксально, неясности ее будущего, о возможных путях ее развития и совершенствования. Пока демократию ждали, о ней говорили, что она непременно наступит, когда же она наступила, о ней говорят, что она может и исчезнуть. Прежде ее нередко считали высшей и конечной формой, обеспечивающей уверенное и благополучное существование. Теперь же ясно ощущают, что, отнюдь не создавая прочную основу уравновешенной жизни,

она более чем какая-либо другая форма возбуждает дух исканий. В странах, испытавших эту форму на практике, она уже давно перестала быть предметом страха, но она же перестала быть предметом поклонения. Ее противники понимают, что при ней все же можно существовать, ее сторонники соглашаются, что ей свойственны слишком многие недостатки, дабы ее безмерно превозносить. В сущности, лишь политическая мысль начала XX века вплотную подошла к современному пониманию демократии. Но, достигну ее, стало очевидно, что демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью. Вместо того чтобы быть решением задачи, демократия сама оказалась задачей. Оптимисты утверждали, что путь истинный все еще не утерян, пессимисты обреченно констатировали наступление трагического часа.

Как ни странно, термин «демократия» принадлежит к числу наиболее спорных и неопределенных понятий современной политической теории. Одно из самых распространенных обыкновений XX века, во многих случаях являющееся простительной слабостью, – в вопросах политики непременно становиться под знамя демократии. Как утверждал известный австрийский государствовед Ханс Кельзен, критикуя большевизм, в XIX – XX столетиях слово «демократия» повсюду стало господствующим лозунгом и неудивительно, если оно, как всякий такой лозунг, утратило определенное и твердое содержание. Следуя требованиям моды, его стали употреблять по всем возможным поводам и для всех возможных целей, так что оно стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия. Практически любой социалист, не отождествляющий себя с коммунистической партией, сказал бы, что диктатура пролетариата есть полное отрицание демократических начал. Между тем апологеты коммунистического движения придерживались диаметрально противоположного мнения. А чего стоят расплодившиеся в свое время по всему миру названия типа «КНДР», «НДРЙ» и т.д., что иным, нежели публичным признанием собственной некомпетентности в понимании «демократии» назвать нельзя. В переводе на общедоступный язык «Корейская Народная Демократическая Республика» звучало бы как малопонятная тавтология «Корейское Народное Самоуправление народа». Раздутая теория о существовании т.н. «народных» и «буржуазных» демократий не выдерживает критики. Подобного рода курьезы можно и по сей день встретить практически «на каждом шагу», причем зачастую в понятие демократии большей частью вкладывается различное содержание.

Что же такое «демократия»? Когда античные мыслители, в особенности такие «столпы» как Платон и Аристотель, отвечали на этот вопрос, они имели в виду, прежде всего, демократию, как форму правления. Они различали формы правления в зависимости от того, правит ли один, немногие или весь народ и устанавливали три основных состояния: монархию, аристократию и демократию. Однако и Платон, и Аристотель каждую форму правления связывали с известной *формой общественной жизни*, с некоторыми более глубокими условиями общественного развития. Оба они имели определенный эмпирический материал по вопросу развития и смены политических форм, и оба видели, что если есть в государстве какая-то внутренняя сила, на которой оно держится, несмотря ни на какие бедствия, то формы его меняются. Каждая из этих форм может быть хуже или лучше в зависимости от того, следуют ли они по пути закона или отступают от него, имеют ли они в виду общее благо или собственные интересы правителей. Но все эти формы подвижны и изменчивы. Ни одна из них не является «конечной» и идеально прочной. Это утверждение относилось, в том числе, и к демократии. В изображении Платона эта изменчивость демократии превращается в порочный круг: с одной стороны это лучшее из правлений, все становятся свободными, каждый получает возможность устраивать свою жизнь по своему желанию, однако с другой стороны, якобы, вследствие «отсутствия в жизни людей твердого плана и порядка» все здесь приходит в расстройство. Изменчивость и подвижность демократии отмечает и Аристотель. Наиболее прочным он считает демократический строй у народов, живущих простой, близкой к природе жизнью. Другие виды демократии кажутся ему подверженными изменениям. Наихудшим из них он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебная система превращается в издевательство над правосудием.

Европейский гуманизм внес значительные «осложнения» в «простоту» греческих определений. Древний мир знал только непосредственную демократию, к которой народ (рабы, разумеется, за народ не считались) сам правит государством через общее народное собрание. Понятие демократии совпало здесь с понятием демократической *формы правления*, с понятием непосредственного «народоправства». Хотя Руссо также воспроизводил это греческое словоупотребление, однако именно он создал теоретическое обоснование более широкому пониманию демокра-

тии, которое утвердилось в наше время. Он допускал, что с верховенством народа могут быть совместимы различные формы государственной власти – и демократическая, и аристократическая, и монархическая. Тем самым он открыл путь для нового понимания демократии как *формы государства*, в котором верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть разные.

Позднее понятие демократии было распространено на все формы государства, в котором народу принадлежит верховенство в установлении власти и контроль над нею. При этом допускалось, что свою верховную власть народ может проявлять как непосредственно, так и через представителей. В соответствии с этим демократия определяется, прежде всего, как форма государства, в которой верховенство принадлежит общей воле народа. Это есть самоуправление народа, без его различия на «черных и белых», «пролетариев и буржуазию», т.е. всей массы народа в совокупности. Следовательно, демократической идее одинаково противоречит всякое классовое господство, всякое искусственное возвышение одного человека над другим, какими бы людьми они ни были. Таким образом, классовая демократическая теория, воспринятая большевиками, являлась противоречием самой себе.

На основании этих определений монархическая Великобритания считается, в том числе, современной теорией не менее демократичной, нежели республиканская Франция. Равным образом и ряд других монархических стран, как Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды считаются несравненно более демократическими, чем провозглашенные таковыми многие государства Африки или Латинской Америки.

В этом смысле современная политическая мысль пришла к гораздо более сложному представлению о демократии чем то, которое встречается в античности. Но в другом отношении она не только подтвердила, но и закрепила греческое понимание существа демократии. Выдвинув в качестве общего идеала государственного развития идеал правового государства, мы зачастую рассматриваем демократию как одну из форм правового государства. А так как с идеей правового государства неразрывно связано представление не только об основах власти, но и о правах граждан, правах свободы, то древнее определение демократии как формы свободной жизни здесь органически связывается с самим существом демократии, как формы правового государства.

С этой точки зрения демократия означает полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем. Если Платон существо демократии усматривал в том, что каждый человек получает здесь возможность жить, в соответствии со своими желаниями, то это определение как нельзя лучше подходит к современному пониманию демократии. И сейчас идее демократии соответствует, возможно, полное и свободное проявление человеческой индивидуальности, открытость для любых направлений и проявлений творчества и т.п. И хотя практически демократия представляет собой управление большинства, но, как метко сказал Рузвельт, «лучшим свидетельством любви к свободе является то положение, в которое ставится меньшинство. Каждый человек должен иметь одинаковую с другими возможность проявить свою сущность».

Однако, не упомянув о свойственном демократии стремлении к равенству, мы могли бы упустить из виду один из наиболее важных признаков демократической идеи. Де Токвиль отмечал, что демократия более стремится к равенству, чем к свободе: «люди хотят равенства в свободе, и, если не могут ее получить, они хотят его также и в рабстве» [1].

С точки зрения моральной и политической между равенством и свободой существует наибольшее соотношение. Мы требуем для человека свободы в первую очередь для полного и беспрепятственного проявления его личности, а так как последняя является неотъемлемым «атрибутом» *каждого* человека, то мы требуем в отношении ко всем людям равенства. Демократия ставит своей целью обеспечить не только свободу, но и равенство. В этом стремлении к всеобщему равенству демократическая идея проявляется не меньше, чем в стремлении к всеобщему освобождению. Тезис Руссо о всеобщей воле народа как основы государства в демократической теории неразрывно связывается с началами равенства и свободы и никак не может быть от них отделен. Участие всего народа, всей совокупности его дееспособных элементов, в образовании «всеобщей воли» вытекает как из идеи равенства, так и из идеи свободы.

Идеальная и реальная демократия. Первые провозвестники демократической идеи основывали свою проповедь на чисто религиозном воодушевлении. Для многих из них демократия была своего рода религией. Следы такого политического идолопоклонства часто встречаются и в наши дни: из-за неспособности или нежелания принятия ответственных политических решений все надежды возлагаются на демократию, как на «всемогущую и всеисцеляющую» силу, ей посвя-

щают все свои силы и энтузиазм. А чего стоят заявления о демократии, как наивысшей и конечной форме, в которой политическое развитие достигает своего экстремума?!

Современная политическая теория подвергает подобные взгляды, как мнения наивные и поверхностные, сомнению и противопоставляет им ряд наблюдений и выводов, снимающих с демократии ореол чудесного, сверхъестественного и вводящих ее в число естественных политических явлений, представляющих ее как элемент, «равноправный» всем остальным политическим формам. Особенно подчеркивается чрезвычайная трудность осуществления демократической идеи и величайшая легкость ее искажения. Многие великие мыслители находили, что демократия может быть осуществлена лишь при особых, специфических условиях. Более того, большинство определенно полагали, что, если понимать демократию во всей строгости этого явления, то истинной демократии никогда не было и не будет.

Подобные суждения столь авторитетных ученых как Руссо, Брайс, Прево-Парадолль, Шерер, Гирншоу и др. вполне подтверждают и ярко подчеркивают те выводы о демократии, к которым приводит и исторический опыт и политическая наука. Наивные предположения о том, что стоит только «свергнуть» старый порядок и провозгласить «всеобщую свободу», всеобщее избирательное право, народное самоуправление и демократия осуществится сама собой не выдерживают критики. На самом деле, мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же наступает истинная свобода, принадлежит не демократической, а анархической теории. В противовес этому анархическому взгляду современные исследователи единодушно признают, что как более поздняя и сложная форма политического развития демократия требует и большей зрелости народа. Как указывалось ранее, по своему существу демократия есть самоуправление народа, но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией надо, чтобы народ выработал свои формы организации. «Народ должен созреть для управления самим собой, понимающий свои права и уважающий чужие, осознающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретает долгим и суровым опытом жизни. И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся перед государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжение всех нравственных сил» [2].

Эти условия осуществления демократии вытекают и из другого ее определения, затронутого ранее, как *системы свободы, политического релятивизма*. Поскольку демократия открывает широкий простор для состязания самых разных сил, существующих в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчинялись некоторому высшему началу. Свобода, отрицающая начала общественного блага и солидарности всех членов общества, приводит к самоуничтожению и разрушению основ государственной власти. Подобно страсти к свободе, и страсть к равенству, если она приобретает характер слепого стихийного движения, превращается в мощнейший фактор саморазрушения. Пример тому – явные «перегибы уравниловки» времен существования Советского Союза. Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными основами общественного развития. Демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня. Более того, у многих авторов мы находим еще более специфические мысли об исключительном значении для демократии «глубокого религиозного чувства».

Степень отдаленности современных демократий от даже приблизительного идеала отчетливо видна в вопросе о фактическом осуществлении народовластия. Нельзя не согласиться с Руссо, который отождествляет понятие истинной демократии с непосредственным участием всего народа не только в законодательстве, но и в управлении и утверждает, что система представительства есть отступление от настоящего народовластия. Однако и он понимал, насколько трудно реализовать в жизни подлинную демократическую идею. Объективно при любом строе, в т.ч. и демократическом, над общей массой народа всегда вырастают немногие – руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. Практически повсеместная трансформация демократии в правление немногих - явление замеченное давно и достаточно хорошо описанное.

Однако многие видные ученые, соглашаясь с тем, что при демократии, определяющее значение имеют не массы, а вожди, в то же время отстаивают превосходство демократии с той точки зрения, что именно здесь совершается наиболее качественный отбор вождей. Возможно, во многих случаях это действительно так, т.е. демократизм практически допускает сочетание с аристократизмом, но это все по определению находится в противоречии с чистотой демократической идеи. Признание же необходимости аристократического ядра для жизнеспособных демократий

тождественно согласию с утверждением Руссо, что «истинная демократия более пригодна для богов, нежели для людей».

Следует признать, что сделанный вывод легко оспаривается замечанием о принципиальной невозможности осуществления в чистом виде ни одной из известных политических систем. Разбирая слабые стороны демократии, можно отметить, что эти же или какие-то другие недостатки в той или иной степени свойственны и другим формам. Человеческая природа, недостатки ума и характера, слабость воли остаются одинаковыми во всех системах. Однако именно это умозаключение вводит демократию в ряд других форм, освобождая ее от ореола совершенства и законченности, которые стремились придать ей ее первые провозвестники.

Таким образом, демократия имеет превосходства и недостатки, сильные и слабые стороны. В противоположность безоглядному политическому оптимизму, особенно ярко проявившемуся, к примеру, в СССР во второй половине 80-х годов, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только ее достигнуть и все остальное приложится, следует признать, что демократия не путь, а «распутье», не достигнутая цель, а только лишь «промежуточный пункт». Это - «опушка леса с неизвестно куда расходящимися тропинками». «Мы надеемся, что прямой путь еще не утерян; но в то же время видим, что уводящие в сторону перекрестные пути таят в себе великие соблазны» [3].

Своими широчайшими возможностями и перспективами демократия как будто бы вызвала ожидания, которые она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и притягивания всех мнений она открыла простор, в том числе, и для направлений, стремящихся ее уничтожить. Другой она быть не может, ибо это - ее природа, ее преимущество. Но этим она могла удовлетворить лишь некоторых, но никак не всех. У людей всегда остается потребность продолжать совершенствование до бесконечности призрачного абсолютного идеала и никакой политической системой их не удовлетворить. Поэтому вопрос о том, может ли демократия смениться другими формами, имеет ясный ответ: это случалось ранее, происходит сейчас и, в принципе, может произойти в будущем.

Демократия всегда есть «распутье», так как она есть система свободы, система релятивизма, для которого нет ничего абсолютного. Демократия есть пустое пространство («опушка»), в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления («тропинки»). Проявляемое недовольство демократией в принципе можно трактовать, как усталость людей от неопределенности, желание выбрать конкретный манящий путь, «тропинку» развития. Однако трудно дать однозначный ответ на вопрос «а не вернемся ли мы в конце концов снова на опушку?». На данный момент мы более всего склонны соглашаться с известным высказыванием Черчилля: «демократия - плохая форма правления, однако ничего лучшего человечество пока не придумало».

Источники и литература

1. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. – М., «Прогресс - Литера», 1994.
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., «Наука», 1991.
3. Новгородцев П.И. Сочинения. – М., «Раритет», 1995.